

социально-исторический организм. Данное движение является как национально-освободительным, так и национально-объединительным.

Члены такого этноса рассматривают как свое отечество всю населенную им территорию, независимо от ее нынешней государственной принадлежности, и тем самым одновременно образуют и нацию. Здесь нация возникает раньше гео-социального организма. Но процесс ее формирования может завершиться только после образования подобного организма. Что-то похожее на это происходит в настоящее время с курдами.

Весь приведенный выше материал, включая последний, свидетельствует в пользу трактовки нации как особой политической силы, которая представляет собой совокупность людей, объединенных общностью отечества и отстаивающих его интересы. Эти интересы одновременно являются и собственными общими интересами данной совокупности людей. Нация может иметь и другие характеристики, но именно в сказанном заключена вся ее суть.

Из приведенных материалов видно, что в отношении между нацией и отдельным конкретным обществом, социумом, как и в отношении между этносом и социоисторическим организмом, ведущим в конечном счете всегда является социально-исторический организм. Именно социально-исторические организмы, а не этносы и не нации являются первичными субъектами исторического процесса, из которых складываются другие — более сложные — его субъекты.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 460—461.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.

³ Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. СПб., 1906; *его же*. Национальность и международность. Пг., 1918.

⁴ Выбицкий Ю. Мазурка Домбровского (перевод С. Кирсанова) // Польшкая поэзия XIX—XX вв. М., 1963. С. 172.

Socio-historical entities, ethnoses, nations

The author believes that «socio-historical organism» is one of the most fundamental category of the historical science. It is a key notion within the framework of the studies of nation. The article deals, in particular, with the interrelations between ethnoses and nation, between nation and socio-historical organism, between nation and ethnoses. Under consideration are also the problems of polyethnic nations and nationalities movements.

Yu. I. Semenov

© 1996 г., ЭО, № 3

Э. Г. Александренков

**«ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ»
ИЛИ «ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»?**

Перемены в жизни общества влекут за собой (или подталкивают) пересмотр прежнего понятийного аппарата, отражавшего представление об окружающем мире. В стремлении «отречься от старого мира», по-новому взглянуть на действительность общество в лице исследователей, как наиболее для этого приспособленных, иногда находит наиболее легкий способ — меняет одни слова

на другие. При этом «новые» слова берутся из языка науки той страны, того общества, которые в настоящее время кажутся наиболее передовыми. В русском языке оказались слова из многих языков Европы, да и Азии; на протяжении последних трех веков было увлечение голландской, французской и немецкой терминологией в определенной последовательности. Сейчас преобладает английская.

Когда новое слово обозначает понятие, не существовавшее в языке, его появление оправдано. Иногда же включение новых слов в наш обиход кажется неловким подчеркиванием «передовых» взглядов. Частое употребление слова приводит, в конце концов, к привыканию к нему, но смысл его от этого не становится более ясным. Каждый может вспомнить не один пример подобного рода из своей практики. На заседании Ученого совета нашего института 27 июня 1995 г. мое внимание привлекло активное вторжение в наш лексикон выражения «этническая идентичность». Круг пользователей этого термина оказался широк — от директора института до аспирантки, утверждающей тему работы, включая и членов совета, о чем можно судить по тому, что они приняли тему, содержащую данный термин, без сомнений и без вопросов о его сути.

Мне же представляется, что данный термин служит для обозначения того же самого явления, которое в русском языке давно уже называется *этническим самосознанием*. Чтобы в этом убедиться, обратимся к истории формирования понятия.

Формирование понятия «этническое самосознание» имеет несколько линий развития. Проблема самосознания в европейской культуре восходит к античности, была она представлена и у средневековых авторов. В начале нового времени, у Декарта (1596—1660) уже встречается термин *consientia* («сознание»), который в русскоязычной философии понимается и переводится как «самосознание» с учетом того, что в нем ясно представлена рефлексия познающего субъекта относительно самого себя. Как самосознание трактовался и термин «апперцепция», употребившийся Г. В. Лейбницем (1646—1716) и И. Кантом (1724—1804)¹.

Другая линия появления термина «этническое самосознание» связана с интересом политиков и философов к «народу». Уже в средние века слово *народ* имело два основных значения: 1) некая социальная категория населения (разно понимаемого сословного содержания), 2) население той или иной страны. И в том и другом случае эквивалентом слова «народ» могло выступать слово «нация». В средневековой Европе интерес к народу как социальному явлению проявился в связи с противоречиями между церковной и светской властями. Во второй половине XVI — начале XVII в. у некоторых европейских авторов можно найти идеи о народном суверенитете. В частности, Т. Беза (1519—1605) утверждал, что источником любой власти является народ (в него он включал дворянство и богатую буржуазию)². Слово «народ» было широко представлено в лексиконе деятелей английской буржуазной революции середины XVII в.

Значительное внимание уделяли народу французские просветители. Так, в книге Ж. Ж. Руссо (1712—1778) «Об общественном договоре» 1762 г. есть три главы под названием «Народ» (*Peuple*). В его сочинениях, так же как и в трудах его современников Ш. Л. Монтескье (1689—1755) и Ф. М. А. Вольтера (1694—1778), употребление терминов *peuple* и *nation* четко не разграничено. Во время Французской революции дискутировался вопрос о том, как называть жителей Франции — «нация», «народ» или как-то по-другому. В одно время победила точка зрения О. Г. Мирабо, согласно которой следовало употреблять выражение «французский народ»³. Тем не менее, по мнению некоторых современных исследователей, «средоточием политических идей» Французская революция сделала нацию⁴.

К народу и нации обращали свое внимание и немецкие историки и философы. В частности, И. Г. Гердер (1744—1803) в исследовании «Идеи к философии истории человечества», опубликованном в 1784—1791 гг., рассуждал о «характере

народов» и «национальном характере». Он, как и многие его современники, не разграничивал строго применение терминов «нация» (Nation) и «народ» (Volk)⁵.

В начале XIX в. в лексиконе европейских политиков и общественных деятелей появляется новое слово, которое на протяжении XIX в. превратилось в важное понятие — «национальность». Полагают, что впервые оно, в форме *nationalité*, встречается в книге госпожи де Сталь «О Германии»⁶. Не исключено, что «насызналитэ» было переводом немецкого слова *Volkstum*, введенного в оборот в 1810 г. немцем Фр. Яном, или слова *Stammenvolk* (на русский переведено как «народность»), встречающегося еще у Гердера⁷.

Схождение линий «народ» и «самосознание» происходит впервые, видимо, у Г. В. Ф. Гегеля (1770—1831), который заговорил о самосознании народов. Одним из этапов самосознания абсолютного духа, понимаемого как «сознание самого себя», являлся, по Гегелю, «дух народа». Термины «народ» и «нация» как, впрочем, и «племя», у Гегеля не были ранжированы⁸.

В середине XIX в. народ становится предметом внимания психологов — возникает такая отрасль знаний, как «психология народов» (*Volkerpsychologie*). Ее основоположники, Лацарус и Штейнталь, считали, что «...то, что делает народ именно этим народом, лежит... исключительно в субъективном усмотрении членов народа, которые все смотрят на себя как на один народ. Понятие „народ“ покоится на субъективном мнении самих членов народа о самих себе, о своем сходстве и сопринадлежности...». «Расу и племя исследователь определяет... объективно; народ определяет себе человек сам субъективно, он причисляет себя к нему». «Народ есть некоторая совокупность людей, которые смотрят на себя как на один народ, причисляют себя к одному народу»⁹. Здесь очевиден отход от идей Гегеля: от самосознания как «сознания себя» — к «определению себя» тем или иным народом. С одной стороны, в этих рассуждениях просматривается то, что позже получило название «национальное (или этническое) самосознание», а именно отнесение себя к какому-то народу, а с другой — можно увидеть истоки понятия «самоопределение народов (или наций)», «национального самоопределения», получившего на протяжении XIX—XX вв. другой смысл.

Прилагательное «национальный» получило в Европе широкое употребление в связи с распространением так называемого принципа национальностей, под которым подразумевалось не что иное, как право угнетенных европейских народов иметь свою государственность. В 60—70-е гг. XIX в. в разных странах Европы публикуются книги о национальностях; их авторами были преимущественно общественные деятели и политики¹⁰. В энциклопедии «Грос Лярус» за 1874 г. приведено два значения «национальности»: на первое место поставлено «нация, рассмотренная в своей собственной и индивидуальной жизни», на второе — «характер национального...»¹¹.

В Россию идеи о народе, его самосознании должны были попасть с работами французских просветителей и немецких философов и поэтов-романтиков. Особенно велико было воздействие немецкой философии и философской эстетики в 20—40-е гг. XIX в. Внимание к народу обострилось в полемике славянофилов и западников¹².

Слово «нация» уже есть в «Письмах русского путешественника» Н. Карамзина, составленных в конце XVIII в. Поначалу оно, как и на западе Европы, было синонимом слову «народ». Еще и в 30-е гг. XIX в. у Чаадаева эти два слова предстают синонимами¹³.

Слово «народность» появилось, видимо, как перевод немецких *Volkstum* или *Stammenvolk*; в то время оно означало причастность к народу, качества народа. Это можно проследить у ряда авторов 30—40-х гг. XIX в. Но уже во второй половине 40-х гг. оно приобретает и другой смысл, обозначая сообщество людей¹⁴.

Слово «национальность» явно явилось адаптацией французского *nationalité* и обозначало принадлежность к нации. Долгое время «народность» и «национальность» употреблялись как синонимы; в частности, так их понимал В. Г. Белинский¹⁵. Еще в «Толковом словаре великорусского языка», изданном В. И. Далем в начале

синонимы и что противопоставление наций, народностей и национальных групп было введено в 1921 г. Сталиным²⁵.

Определение нации было сформулировано Сталиным еще в 1913 г.: «исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Подчеркивалось, что только наличие всех признаков дает нацию²⁶. Как показал М. В. Крюков, Сталин в своем определении нации скомбинировал разные признаки, которыми нацию наделяли европейские социал-демократы О. Бауэр и К. Каутский²⁷. Но, как и его предшественники, Сталин не включил в определение нации национальное самосознание. Последний термин и имел хождение в социологической литературе 20-х гг., но, по мнению Ю. В. Бромлея, «его содержание не подвергалось сколько-нибудь специальному теоретическому осмыслению»²⁸.

В советской литературе самосознание стало вводиться в круг признаков народа (конкретно — народности), видимо, с 40-х годов нашего века. В книге «Образование древнерусского государства» 1945 г. историк В. В. Мавродин утверждал, что «два основных фактора определяют собой народность как понятие этническое: язык и национальное самосознание, сознание себя как единой народности...»²⁹.

Несколько позже уже этнограф П. И. Кушнер (Кнышев) рассматривал «национальное самосознание» как этнический определитель. В тезисах доклада, опубликованных в 1949 г., наряду с термином «национальное самосознание» употреблен и «этническое сознание»³⁰.

Более развернуто изложил Кушнер свои взгляды в книге «Этнические территории и этнические границы» 1951 г. Он назвал «этническими явлениями» те, «которые в основном сводятся к специфике, отличающей быт одного народа от другого». Они были названы «специфическими признаками». Кушнер в них включил «отличия в языке, материальной культуре, обычаях, верованиях и пр.». Среди этих признаков на первое место этот автор поставил национальное самосознание, вторым по степени важности был назван родной язык. Полевая работа в районах со смешанным населением убедила Кушнера, что «ни одежда, ни предметы украшения, ни обувь, ни головные уборы не могут быть приняты в качестве этнического определителя»; то же самое было сказано относительно пищи и обычаев.

Поэтому общий вывод был таков: «Сравнение специфических особенностей этнического быта всех трех поселений показывает, что единственно четким этническим определителем при выяснении национального состава местного населения является национальное самосознание и язык» (выделено Кушнером — Э. А.). И еще: «Этническое же самосознание (национальное самосознание) меняется у человека или общественной группы лишь как конечный результат уже завершенных перемен в материальной культуре и социальном быте».

Кушнер считал «нацию» одним из этапов этнической общности (после «племени» и «народности»). Соответственно «национальное» интерпретировалось как этап «этнического»³¹.

Термин «этническое самосознание» встречается на страницах книги крайне редко. Кушнер не дал определения ни ему, ни термину «национальное самосознание», но по приведенным им примерам можно судить, что он имел в виду отнесение себя человеком или группой людей к той или иной общности.

Таким образом, Кушнер, — в отличие от Широкогогорова, — не отменил все существовавшие слова для обозначения сообществ людей, кроме «этноса» (с соответствующим широким употреблением определения «этнический»), а лишь сузил сферу употребления терминов «нация» и «национальный» (скорее всего под пресом догмата Сталина). Тем не менее именно Кушнер ввел понятие «этническое самосознание», которое с 60-х гг. распространяется в советской этнографической литературе.

С. А. Токарев, назвав в статье 1964 г. разнообразные социальные связи, на которых, по его мнению, могла основываться этническая общность (происхож-

60-х гг. XIX в., «народность» определена как «совокупность свойств и быта, отличающая один народ от другого», «национальность» представлена как синоним «народности», а «нация» — как «народ, в общем значении язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним языком, все сословия»¹⁶.

О сознании народа русские философы заговорили в 30-е гг. XIX в. По мнению П. Я. Чаадаева, истинное «национальное сознание народов» могло состоять «из нескольких положительных идей, из очевидных истин, основанных на воспоминаниях, и из глубоких убеждений, более или менее господствующих над всеми умами и толкающих их всех к одной и той же цели». В рассуждениях Чаадаева о народе шла речь о «национальном чувстве» и «национальной чести»¹⁷.

Вероятно, в среде славянофилов появился термин «народное самосознание»¹⁸. Когда появился термин «национальное самосознание», уточнить не удалось, но к началу 70-х гг. относится идея того, что определение национальной принадлежности «должно основываться на самосознании опрашиваемых лиц» (Международный статистический конгресс, Петербург, 1872)¹⁹. В книге А. Н. Пыпина «История русской этнографии», первый том которой увидел свет в 1890 г., термин «национальное самосознание» уже представлен неоднократно²⁰.

Однако в известные мне словари, вышедшие в России в конце XIX в., понятие «национальное (или народное) самосознание» включено не было. «Национальность» все еще трактовалась как «народность, совокупность отличительных черт и свойств», а «национальное» во многих понятиях было синонимом «народному». В то время словарем иностранных слов был зафиксирован новый синоним для «народного» и «национального» — *этнический*. Это последнее слово истолковано в двух значениях: 1) «языческий, идолопоклоннический», 2) «свойственный какому-либо народу, племени»²¹.

В нашей литературе отмечалось, что к началу XX столетия относятся исследования, посвященные русскому национальному самосознанию — это были работы В. В. Ивановского 1914 г. и П. И. Ковалевского 1915 г.²²

А почти десять лет спустя другой русский этнограф, хотя и находившийся в то время за рубежами страны, С. М. Широкогоров отверг термины «народ», «нация», «национальность» и некоторые другие, предложив употреблять лишь слово *этнос*. Все, связанное с этносом, названо у Широкогорова «этническим», и термин этот встречается на страницах его книги много раз.

Речь идет и о самосознании в разных контекстах. Так, среди признаков общества на третьем месте, после организованности и постоянства, Широкогоров поставил «субъективное сознание связи с целым у каждого индивидуума в отдельности». Говорилось об осознании этносом общественных форм, созданных им, об осознании этносом отношения к среде и процесса движения при расселении и бытии. Лишь один раз сказано, что этнос осознает себя: «...единицу, в которой протекают процессы культурного и соматического изменения человечества как вида, является этнос, признаваемый им самим как группа людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни»²³. Несмотря на последовательное применение терминов «этнос» и «этнический», а также явную идею о самосознании этноса, понятие «этническое самосознание» у Широкогорова не родилось. Неточным поэтому представляется утверждение М. В. Крюкова о том, что Широкогоров включил в определение этноса этническое самосознание²⁴. Более того, там, где сам Широкогоров, «вводя новый термин» (слова Широкогорова), дал определение «этносу», слова «самосознание» вообще нет.

Понадобилось еще 20 лет, чтобы самосознание этноса было названо в русскоязычной литературе «этническим самосознанием». Причиной такой задержки было, вероятно, наличие в языке термина «национальное самосознание». Еще более важным фактором послужило скорее всего то, что пришедшие к власти в России социал-демократы — большевики не включили в свой словарь термин «этнос» и производные от него. Что же касается слов «нация», «национальность», «народность» и «народ», то М. В. Крюков обнаружил, что Ленин употреблял их как

дение, язык, территория, государственная принадлежность, экономические связи, культурный уклад, религия), резюмировал: «Исторически обусловленное соотношение между этими видами связи порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы»³².

Н. Н. Чебоксаров в докладе на VII МКАЭН (Москва, 1964) включил этническое самосознание в признаки этнической общности. В статье 1967 г. он же утверждал, что «взаимодействие этих признаков (речь шла о языке, территории, совокупности черт культуры; перечень, как видим, короче того, что у С. А. Токарева — Э. А.), их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражается в виде вторичного явления — этнического самосознания... Этническое самосознание представляет собой своего рода результату действий всех основных факторов, формирующих этническую общность»³³.

Сходно, хотя и менее лаконично, писал о причинах возникновения этнического самосознания А. Г. Агаев в 1965 г.: «Территория... язык... хозяйство... в сложном переплете исторических, социально-экономических, мировоззренческих, религиозных, этнических, этнографических и географических условий в процессе консолидаций и дифференциаций, смешения и растворения, взаимопроникновения и разъединения порождают сознание этнического единства народа». По мнению этого автора, этническое самосознание — это, в одном случае, «сознание единства», в другом — «сознание этнической самостоятельности». Уже как общепринятое («как известно», по его словам) Агаев сообщал, что этническое самосознание свойственно всем трем формам этнических общностей (родо-племен, народности, нации — по его терминологии). Для каждой из этих форм Агаев предложил особые названия этнического самосознания — уже известные «родо-племенное» и «национальное» для первой и третьей, и «народное», «народностное» или описательное «сознание единства людей, принадлежащих к одному народу» — для второй в его ряду³⁴.

Во взглядах трех названных авторов на этническое самосознание несомненно влияние идей Кушнера (или по крайней мере сходство одних с другими). Однако заметно смещение интереса от п р и з н а к о в этнической общности (они интересовали Кушнера для практических целей размежевания этнических общностей) к ф а к т о р а м формирования этнических общностей (у Чебоксарова).

Вопрос об этническом самосознании оказался представленным в дискуссии, начатой в 1966 г. журналом «Вопросы истории» относительно теории нации³⁵. Некоторые авторы заговорили о структуре самосознания. Очередной шаг в формировании представления об этническом самосознании проявился в том, что в структуре этнического самосознания стали выделять «компоненты» (Г. В. Шелепов). Среди них, помимо осознания принадлежности, были названы этноцентризм, этнический стереотип, этнические симпатии и антипатии. Однако «главным структурным элементом» было названо осознание этнической принадлежности³⁶. Наконец, В. И. Козлов определил в краткой форме национальное самосознание как «чувство принадлежности людей к определенной нации, объединяющее их в один социальный коллектив», а этническое — как «сознание принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа»³⁷. Так, вероятно, впервые было обращено внимание на тесную связь этнического самосознания и самоназвания.

Дискуссия философов, историков и этнографов второй половины 60-х годов показала очевидное смещение интереса в обществе от национальной проблематики, так или иначе связанной с политикой, с проблемами национальных движений и национально-государственного устройства, к этнической проблематике, где больший акцент делался на культурные особенности и где важное место уделялось самосознанию, получившему название этнического. Сомнительно в этом смещении интересов видеть отражение специфики советского общества 60-х гг., когда представители общественных наук пытались выйти за строгие рамки теоретических положений вождей. Но сходный процесс имел место

и на Западе, где он принял форму замещения всеобъемлющего интереса к «национальности» (особенно у политиков XIX в.) не менее пристальным интересом к «этничности», теперь уже со стороны главным образом исследователей.

Процесс этот был длительным. Этнографы к проблеме национальности обратились, видимо, в 20-е гг. нашего века. Так, А. Ван Геннеп публикует в 1922 г. «Трактат о национальностях»³⁸. В книге А. Крёбера «Антропология», вышедшей в 1923 г., о национальности речь идет в параграфе «Язык, культура, национальность» главы «Язык», что ясно говорит о приоритетах. Национальность для Крёбера — «по существу — чувство отличия или единства, ощущение границы между своей группой (in-group) и тем, кто вне ее (out-group)». Предварительным условием возникновения национальности Крёбер считал «родовое сознание» (consciousness of kind), появление которого, в свою очередь, невозможно без такого фактора, как язык. Крёбер так закончил параграф: «В целом антропология более непосредственно имеет дело с национальностями, чем с нациями, с этническими, чем с политическими группировками. А в национальностях и этнических общностях (units) язык всегда является фактором и часто основным»³⁹.

Однако идея сознания в связи с этническими общностями не получила у Крёбера и его соотечественников в то время дальнейшего развития. В фундаментальном пособии «Антропология сегодня», вышедшем под редакцией Крёбера в 1953 г., нет ни одного понятия с определением «этнический». Статья «Самосознание» (self-awareness) помещена в разделе «Культура, личность и общество». Речи о национальном самосознании не было, но имелись разделы о национальном характере и национальной культуре⁴⁰. В «Словаре антропологии», изданном в Нью-Йорке в 1956 г. под редакцией Ч. Уиник, есть понятие «этнос» (группа людей, объединенных национальностью и расой), есть «сознание» (только расовое)⁴¹. В то же время в Западной Европе в 50—60-е годы продолжали выходить работы о национальном самосознании⁴². Проблема национального самосознания была известна и североамериканским авторам-этнографам, судя по выражению *nationally self-conscious tribes*, употребленному в 1953 г. Дж. П. Мэрдоком и которое можно перевести как «национально осознающие себя племена»⁴³.

С конца 50-х годов в понятийный аппарат западных этнографов входит понятие *identity*, обозначало оно прежде всего отождествление индивида с коллективом и, несомненно, близко понятию «самосознание». Распространение термина связывают с влиянием работ североамериканского психолога Э. Эриксона, который в своей работе «Детство и общество» 1959 г. утверждал уже, что исследование *identity* превратилось в центральную тему социальных наук⁴⁴.

60-е годы — время всплеска интереса к «этничности». В работах некоторых авторов слово это обозначало не только характер или качество этнической группы, но и этническую единицу⁴⁵. Видимо, в первой половине 60-х годов формируется термин *ethnic identity*. По крайней мере в 1965 г. К. Шибутани писал уже как о само собой разумеющемся: «Поскольку *ethnic identity* лежит в центре представления о себе (*self-conception*) такого большого количества людей, не удивительно, что этот предмет обсуждения взрывоопасен»⁴⁶.

Динамику отношения мирового сообщества этнографов к новым терминам можно проследить по «Международной библиографии социальной и культурной антропологии», издаваемой ЮНЕСКО с 1958 г.⁴⁷ Рубрики этого издания составлены главным образом по названию работ, а не по их содержанию. Поэтому те или иные темы попали в это издание позже, чем они появились в исследовательской среде и даже на страницах изданных работ. В частности слово *ethnicity* зафиксировано впервые в 70-е годы XVIII в.⁴⁸, предметом активного изучения «этничность» становится в 60-е годы нашего столетия, а в названную библиографию попадает еще позже.

В первом томе «Международной библиографии» и ряде последующих нет рубрик *ethnicity*, *identity* или *ethnic identity*. Иногда есть разделы «этнические отношения», «этнические группы»; в некоторых выпусках — вовсе ничего с

прилагательным «этнический». Термины с прилагательным «национальный» представлены постоянно; рубрика «Национальный характер» иногда насыщена плотно.

В томе XVI, где собраны работы за 1970 г., появляется рубрика Ethnicity. «Национальный характер» исчез, если не ошибаюсь, после тома XII (работы за 1966 г.). Вместо этой рубрики пришла, вероятно, «Национальная психология», работ по которой называлось много. В т. XVIII (1972 г.) появляется рубрика Identity, со стоящим после этого слова определением ethnic; но работы на эту тему предложено смотреть в разделе Ethnicity. Ясна, таким образом, соотнесенность для составителей библиографии понятий ethnic identity и ethnicity. В томе XXII представлен уже термин ethnic identity, что говорит о признании его самостоятельности.

Рубрика Ethnicity в разных томах загружена по-разному, иногда встречаются термины «этническое (или национальное) сознание» (т. XXIII) и «национальное сознание» (т. XXIV).

Наконец, в томе XXVII (1981 г.) наряду с рубриками Ethnic identity, Ethnicity, National consciousness (работы главным образом из СССР) появилась самостоятельная рубрика Ethnic consciousness («Этническое сознание») с названиями пяти работ. Но уже в следующем томе «этническое сознание» предложено искать в Ethnicity. Такое положение дел сохраняется и в томе XXX (работы за 1984 г.), изданном в 1987 г. Работы по ethnic identity также предложено искать в разделе Ethnicity. Можно заподозрить, что термины, которые у нас переводятся на русский язык как «этническое сознание», «этническая идентичность» и «этничность», являлись для составителей библиографии если не синонимами, то очень близкими.

Сохранились и рубрики «национальное сознание» и «национальная идентичность», большая часть работ в которых была из социалистических стран.

Обзор литературы, попавшей в сферу внимания «Международной библиографии социальной и культурной антропологии», указывает на смещение интересов в нашей отрасли знания в 60-е — первой половине 80-х годов (последующие тома мне не удалось просмотреть) от характера народов, через их психологию, к самосознанию сообщества людей. При этом терминология, образованная от слова «нация», явно вытеснялась терминами, образованными от слова «этнос».

В «Словаре антропологии Макмиллана», изданном в 1986 г., в статье об ethnicity подчеркивалось, что это явление нельзя рассматривать отдельно от изучения систем self-identity. При этом identity определялась как психологическое представление личности о себе (self-conception). Среди ряда identities есть и ethnic identity, рассматриваемая как идентификация себя с этнической группой⁴⁹. Такое понимание ethnic identity мало чем отличается от понимания «этнического самосознания». Различие заключается лишь в понимании «этнуса» и «этнической группы». Но оно представляется недостаточным для того, чтобы в русский язык вводить термин «этническая идентичность», если в нем есть почти идентичное (без кавычек) понятие «этническое самосознание».

Несколько слов о том, почему интерес этнографов сосредоточился на «этничности» и «этническом самосознании» в отличие от прежнего интереса политиков к «национальности» и, в меньшей мере, «национальному самосознанию». Ю. В. Бромлей объяснял усиление внимания к этнической проблематике в 60-е гг. нашего века обострением межэтнических и межрасовых отношений в капиталистическом мире⁵⁰. Но противоречия в мире на протяжении XIX в. и в первой половине XX в. были не менее остры, чем в середине XX столетия. Однако прежде они рассматривались в рамках терминологии, образованной от слова «нация», а сейчас — от «этнуса». Одна из причин была, видимо, в том, что этнографам стало ясно, что не все изучаемые ими общности людей могут быть квалифицированы как «нации» или «национальности» («народности»), тем более что за «нацией» укрепилось уже несколько жестких определений, включавших параметры, не обнаруживаемые в некоторых сообществах. Поэтому и возникло

слово «этнос» вместо прежних названий (Широкогоров) или более нейтральное «этническая общность», ethnic unit. Оказалось также, что в районах со смешанным населением главным критерием принадлежности к этнической общности было осознание этой принадлежности отдельным человеком или группой. Так родилось представление об «этническом самосознании» (Кушнер).

Почти в то же время, что и Кушнер, Нейдель в 1947 г. опубликовал работу, где высказал идею о том, что в ситуациях этнолингвистической мозаики, взаимопроникновения или непрерывной изменчивости культуры наименее двусмысленным, а иногда и единственным фактором в определении того, где кончается одна общность (entity) и начинается другая, являются самоидентификация и этнический ярлык. Причину этого Нейдель объяснил так: «Культура и язык не могут предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности (identity), ибо культура и язык допускают степени и оттенки единообразия или различия, в то время как представление о племени имеет тенденцию к более резкой кристаллизации — некто либо является членом племени, либо нет»⁵¹. Это чувство принадлежности к группе было сформулировано в конце концов на английском языке как ethnic identity, и вполне соответствует русскому «этническое самосознание»⁵².

Примечания

- ¹ Гарнцев М. А. Проблема самосознания в западноевропейской философии: От Аристотеля до Декарта. М., 1987. С. 28, 42, 59, 179—200.
- ² Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 144, 145, 158—159, 375, 385, 387.
- ³ Voltaire Fr. M. A. de. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations. P., 1962; Мурабо О. Г. Из речи «Как должно называться собрание общин»//Свобода, равенство, братство. М., 1989. С. 52—58.
- ⁴ Козинг А. Нация и история в современности. М., 1978. С. 37.
- ⁵ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 266, 312, 344, 426, 466, 469 и др.
- ⁶ Nazione//Enciclopedia italiana di scienza, lettere e arti. V. XXIV. 1939. P. 471, 472.
- ⁷ Jahn Fr. Das deutsche Volkstum. Cit. in: Opatny J. Antecedentes historicos de la nacion cubana. Pr., 1986. P. 10.
- ⁸ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 71, 99, 102, 119, 121, 366—371.
- ⁹ Цит. по: Шнем Г. Введение в этническую психологию. М., 1927. С. 19, 35—36.
- ¹⁰ Nazione...
- ¹¹ Nation; Nationalité//Gros Larousse. 1874.
- ¹² Песков А. М. У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров//Вопросы философии. 1994. № 5. С. 89—90 и др.
- ¹³ Карамзин Н. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 253, 415, 422; Чаадаев П. Я. Цена веков. М., 1991. С. 102, 148, 150.
- ¹⁴ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской//Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1994. № 1. С. 110, 115—117.
- ¹⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 436; см. также: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 229.
- ¹⁶ Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. 2-е изд., 1881. С. 474, 508.
- ¹⁷ Чаадаев П. Я. Указ. раб. С. 102, 148, 150.
- ¹⁸ См.: Филиппов В. Р. Из истории изучения русского национального самосознания//ЭО. 1991. № 1. С. 26.
- ¹⁹ Цит. по: Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса//ЭО. 1974. № 2. С. 80.
- ²⁰ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. I. СПб., 1890. С. 3, 13.
- ²¹ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1897. С. 585, 712 и др.
- ²² Цит. по: Филиппов В. Р. Указ. раб. С. 28—29.
- ²³ Широкогоров С. М. Этнос: исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 13, 72, 78, 79, 122, 130.
- ²⁴ Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность//Расы и народы. М., 1989. С. 8.
- ²⁵ Крюков М. В. Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории нации)//Советская этнография (далее — СЭ), 1989. № 4. С. 9—11.
- ²⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. 1949. С. 296—297.

- ²⁷ Крюков М. В. Читая Ленина... С. 7—8.
- ²⁸ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173.
- ²⁹ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 396. См. также: Мавродин В. В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации//СЭ. 1947. № 4. С. 85—86, 96.
- ³⁰ Кушнер (Кнышев) П. И. Национальное самосознание как этнический определитель//Краткие сообщения Института этнографии АН. Т. VIII. 1949. С. 3—9.
- ³¹ Его же. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 10, 70—71.
- ³² Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии)//Вопросы философии. 1964. № 11. С. 53.
- ³³ Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов//Труды VII МКАЭН. Т. 5. 1970. С. 748; его же. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых//СЭ. 1967. № 4. С. 99.
- ³⁴ Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965. С. 37, 48, 50, 51.
- ³⁵ Рогачев П. М., Свердлов М. А. О понятии нация//Вопросы истории. 1966. № 1.
- ³⁶ Шелепов Г. Н. Общность происхождения — признак этнической общности//СЭ. 1967. № 2.
- ³⁷ Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации//Вопросы истории. 1967. № 1. С. 91; его же. О понятии этнической общности//СЭ. 1967. № 2. С. 109, 111.
- ³⁸ Genner A. van. Traite des nationiltés. P., 1922.
- ³⁹ Kroeber A. Anthropology. N. Y. 1948. P. 226—228. В переиздании книги 1948 г. соответствующий раздел не изменен.
- ⁴⁰ Anthropology today. An enciclopedic inventory. Chicago, 1953.
- ⁴¹ Winik Ch. Dictionary of anthropology. N. Y., 1956.
- ⁴² См. в: Козинг А. Указ. раб. С. 58; Opatrny J. Op. cit. P. 12—13.
- ⁴³ Cit. in: Moerman M. Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue?//American Anthropologist. V. 67, 1965. P. 1226.
- ⁴⁴ Tugendhat E. Self-consciousness and self-determination. Cambridge, 1986. P. 254, 272; García Ruiz J. F. Etnicidad, integración nacional y derechos culturales//IRIPAZ. Año 1. № 1. Guatemala, 1990. P. 66—67. См. также: Акчури И. А. Топология и идентификация личности//Вопросы философии. 1994. № 5. С. 146—147.
- ⁴⁵ Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 11.
- ⁴⁶ Shibutani T., Kwan K. M. Ethnic stratification: a comparative approach. N. Y., 1965. P. VI.
- ⁴⁷ International Bibliography of Social and Cultural Anthropology.
- ⁴⁸ Fishman J. A. et al. The rise and fall of the ethnic revival. Berlin, 1985. P. 11.
- ⁴⁹ Seymour Smith Ch. Macmillan dictionary of anthropology. L., 1986. P. 95—96, 145.
- ⁵⁰ Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 11.
- ⁵¹ Moerman M. Op. cit. P. 1219—1220.
- ⁵² Ю. В. Арутюнян любезно указал мне на свою статью, где он предложил различать понятия «самосознание» и «самоидентификация» (называя их, как большинство отечественных социологов, «национальными»), в зависимости от того, осознанно или нет чувство принадлежности к общности. См.: Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание//Социологические исследования. 1990. № 7. С. 42—49.

«Этническое самосознание» или «этническая идентичность»?

Some basic notions of ethnological theory are viewed. One of the problems consists in combining the terms which are traditionally used in Russian and Anglo-American science.

E. G. Aleksandrenkov